

Как дела,
ПЯТЫЙ "А"?

Ангелина Евгеньевна Романова

Как дела, пятый «А?»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61072041

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой, от лица которого ведётся повествование, – Женька Шишкин, спортсмен и выдумщик. Он и его друзья живут в провинциальном городе и учатся в обычном классе – «без всяких уклонов и специализаций». Ребятам приходится самостоятельно решать различные жизненные задачи, которые неизменно превращаются в смешные и забавные истории. Познавая окружающий мир «методом проб и ошибок», Женька «воспитывает» младших, учится выступать, работать, оказывать благотворительность и многое другое. Живые, цепкие, бодрые, искренние рассказы о жизни простых мальчишек – наших современников, пропитаны юмором и оптимизмом. В основу рассказов положены реальные события, происшедшие в семье автора.

Содержание

От автора	4
Наследственность	6
Как дела, пятый «а»?	11
Математика	28
Минутка славы	41
Репетитор	57
Не скоро сказка сказывается	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

От автора

Моё трёхкратное родительство – счастье, позволившее тесно соприкоснуться с миром детей. Счастье слушать, наблюдать, сочувствовать, направлять, неустанно поражаться ребячьей находчивости и многочисленным «открытиям», сделанным на пути взросления. Ощущение могучей сопричастности к детству и привело к появлению на свет этой книги.

Благодарю:

Михаила Чиркова, Ольгу Юрлову, Романа Щипана, а также мою семью за содействие и дружескую поддержку

Писать для детей – нужен особый дар. Чтобы интересно, чтобы захватывающе – это можно, но так, чтобы ещё и поучительно и при этом не скучно – вот здесь-то и находится одна из главных составляющих настоящей детской прозы.

Ангелине Романовой удаётся пройти по тонкому льду, создать интересный, движущийся мир подростков без пошлости и агрессии, без скучной морали, добрый и с крепким мировоззренческим стержнем. Показать мир городских школьников таким, каков он на самом деле. В этом нисколько не сомневаешься, когда страницу за страницей поглощаешь ис-

тории, написанные от лица Женьки Шишкина. Автор успешно вживается в образ двенадцатилетнего мальчишки, правдиво и уверенно действуя в предлагаемых обстоятельствах подросткового бытия.

Обычные рядовые истории, которые, так или иначе, со многими происходили в жизни, рассказываются доступным, занимательным литературным языком. Отличительной чертой стиля автора является юмор – истории нельзя читать без улыбки.

Рассказы будут интересны не только подросткам, но и взрослым.

Ольга Юрлова,

Председатель Кировского областного отделения

Общероссийской общественной организации

«Союз писателей России»

Наследственность

Привет всем! Давайте познакомимся – меня Женей зовут. Можно Женькой или Жекой – нормально отзываюсь. А вот на «Шишку» – ни за что! Хотя моя фамилия – Шишкин. Но Шишкин – это солидно, почти как Пушкин! А «Шишка» – дурацкая кличка. Вот у меня в спортивном лагере прозвище было – это да! Король – мощно и уважительно. Это из-за танцев – все говорят, что получается неплохо.

Мне – одиннадцать, перешёл в пятый класс. Сейчас лето, каникулы, всё вроде ура-ура, но бывают и огорчения. Они часто с дождливой погодой совпадают – тогда я что угодно согласен делать, но только не читать. Уж такой родился – нечитательный; думаю, в папу – он признает книжки только со схемами. «Наследственность – штука серьёзная, с ней не считаться нельзя», – так мама говорит. Она, наоборот, это дело – книжки читать – страстно обожает и мечтает во мне такой же спрятанный ген отрыть и «нечитательность» в «читательность» переделать. Хм, это не по математике минус на плюс поменять! Поэтому хитрю и всячески отлыниваю.

Я футбол люблю! Футбо-о-ол! Все слышали? Мой дедушка футболистом был. Хотя его ни разу в жизни не видел, но коллекцию генов он мне завещал – будь здоров! Теперь ими горжусь и ношу, как букет на первое сентября, потому что

лучше всех друзей «в девятку» забиваю и всех игроков из ведущих мировых клубов знаю: слежу-запоминаю, кто в какую команду перешёл. Это всё благодаря тому, что наклейки собираю, покупаю журналы «Футбол» и ещё спортивные новости смотрю. Про матчи можно не говорить – само собой разумеется. Однажды в телевизионной настройке заблудился, найти не смог, где на другой язык переключается. Так и просмотрел всю игру с комментариями по-итальянски – и почти всё понял, что говорили. Брат с сестрой ко мне несколько раз заглядывали – фыркали да хихикали. А мама как услышала иностранную речь – вошла и села рядом. Смотреть. Вот что значит – дедушкины гены!

Во мне ещё и учительские гены сидят – в маминой родне много педагогов. Но сам пока такие способности никак не проявил – мама мне с уроками помогает. Хотя у неё каждый раз усидчивости не хватает и терпения, как и у меня. Только начнет мне задачу объяснять – на кухне обязательно что-нибудь зашипит! Мама сразу убегает спасать суп или котлеты. Папа тоже всегда за будущий ужин беспокоится и по несколько раз в мою комнату заглядывает, когда мы уроками чересчур увлечёмся. Недавно выход из положения нашёл, два таймера сделал: один – первое блюдо караулить, другой – второе. Только мама всё равно их заводить забывает, но почему-то ругается, когда я рассеянностью страдать начинаю.

Мама объясняет уроки быстро. Мы с ней учебник риторики за три дня прошли; повезло ещё, что только первую

часть. Вторую мама потеряла, а потом, когда нашла, – ей эта риторика уже надоела. Вот если бы она была учительницей в нашем классе, мы бы за один год все предметы прошли, которые в школе изучают. Потом бы маме их преподавать наскучило, потому что мне учёба тоже быстро надоедает. Хотя, в отличие от родных, я объясняю друзьям уроки медленно, чтобы как следует самому разобраться. Это, я слышал, в педагогике самое главное.

Сейчас важно, как говорят родители, развивать способности. Я и стараюсь: на футбол хожу и на акробатику, а раньше ушу занимался. Но мама мечтает, чтобы я ещё записался в танцевальный ансамбль, хор, театральную студию, кружок лепки и судомодельный. Потому что, как думают родители, у меня в этих направлениях большие потенциальные способности. Я бы не против – только при условии, чтобы в школу не ходить. Тогда бы целыми днями конструировал, музыку записывал, новые танцы и спортивные композиции придумывал, а то учёба слишком много времени отнимает.

Папа сильно переживает, что его самый важный ген никто из детей не унаследовал. Теперь он эту способность мне искусственным путём привить старается, как культурную ветку к дикой яблоне – только что-то плохо приживается. Ген этот – аккуратность. У папы всё по полочкам разложено: и вещи, и инструменты – и даже мысли в голове. У меня же всё наоборот: то никак не доходит, то вдруг такая идея протуберанцем выскочит – все ахают! А то, что мои вещи всегда не

на месте лежат – так это временно. Просто они никак между собой договориться не могут, где им лучше. А я им не мешаю, только нервничаю, когда они со мной в прятки играют. Это объяснимо – рассеянностью я в своего дядю пошёл. Мама рассказывала, что он в детстве по часу мог в одной штанине проходить, если никуда идти не надо было. А неаккуратность у меня – от старшего брата, который клянётся свои вещи по местам разложить сразу, как закончит ремонт квартиры, а так как на строителя ещё только учится, то всё откладывается на неопределённое время.

Ещё я петь люблю – тоже наследственное. Мой прадедушка с войны рояль привёз, розового цвета – ни у кого такого не было. Все на бывшего солдата как на ненормального смотрели. Тогда жили бедно, а он все равно свою мечту осуществил и трёх дочерей музыке выучил.

Одно всех смущает – пою как-то странно. Про себя у меня хорошо получается, красиво, а как запою вслух – и голос писклявый, и мелодия не слушается. Нет, никто мне на ухо не наступал, просто музыкальный слух особенный – внутренний, очень стеснительный.

У нас семья коллекционеров – все что-нибудь да собирают. Папа – бытовые приборы, сестра – одежду и парфюмерию, брат – строительный инструмент и пакеты по углам. И ко мне эта способность по генам перебралась. Чего я только за свою жизнь не коллекционировал – наклейки, журналы разных видов и направлений, игрушечное оружие, автомо-

били, шахматные фигурки. Сейчас собираю человечков из конструкторов. Что поделаешь, если интересы у всех в семье часто меняются?! Вон, мама всю зиму книжки покупала, а недавно деньги к отпуску коллекционировать принялась. Правда обижается, что я ей в этом направлении развиваться мешаю – часто попрошайничаю, как она выражается. Хотя сестра говорила, что по-научному это красивее называется: «перераспределение бюджета».

Захотел я маме деньгами помочь: решил сам зарабатывать. Организовал бизнес – «Жека и К: продажа человечков и деталей к Лего-конструктору». В моей родне в старину много купцов было, и это придало уверенности. Первую неделю дело у меня неплохо шло, а потом скидками увлекся, вырученные деньги на сладости и игрушки тратить начал. Не мог удержаться. В общем, не получилось из меня бизнесмена. Наверное, гены эти купцовские слишком глубоко сидели. Но мама утешила: не всё потеряно, это была лишь первая попытка – учился быть в роли бизнес-боя.

А я и не отчаиваюсь, потому что от родителей ген оптимизма унаследовал. И это – стопудово!

Как дела, пятый «а»?

Лето прошло быстро, и для меня наступил знаменательный день – первый раз в пятый класс! Первое сентября – праздник особенный, все такими важными становятся: и дети, и взрослые.

Вышел на улицу – природа радостью так и светится! Значит, тоже заранее готовилась свою осеннюю красоту показать. Лучи солнца среди редящих прядей берёзок игру устроили; небольшой ветерок подбадривает, гладит щёки, балуется с воздушными шариками и цветными ленточками; небо с утра до голубизны начищено. Красотища!

На пешеходных переходах яркие «зебры» и указатели так и хвастаются макияжем. Машины добрые-предобрые, со включенными фарами, почти пешком ходят, раскланиваются перед каждым школьником: мол, понимаем, на важное дело направляетесь – проходите, пожалуйста!

Меня тоже с почётом пропустили, даже вместе с попутчицей. Пожилой «жигулёнок», видно, оторопел от изумления и застрял на перекрёстке, наблюдая, как старая тётка-ворона пешком в сторону школы направилась: через дорогу, важно ступая, переходила, а в клюве большой кусок колбасы держала.

«Дети в школу улетели, а завтрак забыли!» – пронеслось в

моей голове, и я шуточно затопал ногами, но птица посмотрела с укоризной, и баловаться расхотелось.

С утра на встречу с одноклассниками настроился. Все-таки хорошо, что нам лето друг по дружке соскучиться позволяет! Шагал в новых кроссовках – и не знал, кем больше любоваться: собой, таким стильным, или друзьями нарядными. Только головой успевал вертеть и повторять, как попугай: «Привет! Привет! Здорово, дай пять!»

Я учусь в самой классной школе нашего района; туда многие хотели бы записаться. Её и брат мой закончил и сестра в одиннадцатый класс пошла, а мама – так вообще в тринадцатый! Ей за это приз надо дать – за усидчивость на родительских собраниях. И сертификат красивый, так как теперь у неё четыре начальных образования, почти три средних и одно высшее. На вопрос «чем занимаешься?» любит шутить: «Повышаю квалификацию!»

Наш пятый «А» – обычный, без всяких уклонов. Ребята хорошие, новеньких хорошо принимают. Вот и сегодня трое пришли: два мальчика и девочка. Свободные места за столами ещё есть – приходите, мы и по трое сидеть можем, и на полу, и на коленях друг у друга, и на плечах. Можем и место уступить, нисколько не жалко – садитесь, пожалуйста! И договоримся без проблем: если тот, кто за столом, – пишет, то другой, которому место на плечах досталось, потом у него скатает, а на следующем уроке поменяются.

Как представил такую картинку – сразу весело стало! Я

от природы такой – с воображением! Если на уроке вдруг неинтересно становится, представлю что-нибудь или историю придумаю – скуку сразу как рукой снимет!

Девчонки наши за лето изменились – не узнать! Такими дылдами стали! Некоторые мальчишки им вообще до подмышек. Например, я. Получается, я в классе самый маленький. И почему придумали построение начинать с высоких? Если бы по успеваемости выстраивали, то я бы на физкультуре в самом начале стоял. Как-никак, с шести лет спортом занимаюсь. Про остальные предметы пока умолчу; надо надеяться на лучшее!

Ещё вчера твёрдо решил, что буду в школе внимательно слушать и тщательно запоминать. И учиться будет легче, и для истории пригодится. Личной. Так мы с мамой решили, когда к сегодняшнему дню готовились. Вот на всякий случай и тарашусь – чтобы ничего не пропустить. А вдруг потом придётся сочинение писать или литературный дневник? Сестра сказала, что такое в средней школе случается, а брат советовал приобрести диктофон или кинокамеру.

У нас новая главная учительница, «классный руководитель» называется; по-простому – Ирина Васильевна. Она молодая, серьёзная и сильно взрослая, стоит за нами на линейке и совсем не улыбается. Пришлось извертеться, чуть голову не свернул, её разглядывая. Ничего, красивая! И загадал: «Хоть бы доброй оказалась!»

Об этом продолжал думать и на «уроке знаний», когда но-

вая классная после коротенькой вступительной речи и пробежки по правилам учащихся принялась диктовать расписание уроков. Хотя сегодня была среда, учительница начала почему-то с понедельника, а когда дошла до четверга, у меня рука уже сильно тормозила и мстительно намеревалась отвалиться с непривычки. Неужели так и будем писать, писать и писать? Пожалел, что лето быстро закончилось. И, видимо, не я один так подумал, потому что Сашка Белых сразу же поднял руку и спросил с надеждой в голосе:

– Ирина Васильевна! А разве в школу мы в следующий раз только в понедельник пойдём?

Все захохотали. А молодая учительница даже не улыбнулась и ответила испуганным голосом:

– Нет, что вы, завтра по расписанию пять уроков!

Какое разочарование! Неужели нельзя было постепенно к учёбе приучать: первый день – урок знаний, второй – два урока знаний, третий... и так далее?!

Заглянул в блокнот Ксюши, соседки по парте. Она выводила кривыми буквами: «расписание». Толкнул локтем:

– А почему ты две «эс» написала? – хотел показать, что не всё забыл за каникулы.

Но Ксюшка, та ещё штучка, хоть и запылала щеками, но языком отбрила начисто:

– Корень «спис», дурак! У тебя списываю потому что!

Сразу видно: две «дэ» – дылда и дура! Но вслух не произнёс – и правильно, потому что уже через пару минут мы

с Ксюхой разговорились, и она великодушно пообещала подарить красивую фенечку.

Классная тем временем принялась оглашать список новых учителей: Людмилы, Татьяны, Галины, Светланы, Николаевны, Михайловны, Петровны. У меня сразу всё в голове перемешалось: какое отчество к какому имени приставить? То ли дело в начальной школе! Все предметы одна учительница вела, Элеонора Сигизмундовна, – за четыре года кто не запомнит?

Урок наконец-то закончился, и мы, счастливые, выбежали во двор. Там уже галдели мальчишки из филологического «в», которые без устали хвастались, что у них класс круче нашего: им будут преподавать литературное краеведение, литературную историю, литературную математику или что-то типа того – всерьёз литературное. А вот нам бы физкультурная литература не помешала! Но наши «ашки» и без этого не оплошали: прямо в парадной форме пошли на спортивную площадку играть в футбол и разбили противных «вэшек» с колоссальным счётом. Я в воротах насмерть стоял, ни одного мяча не пропустил!

Расходиться по домам не хотелось, и большая половина класса осталась на школьном дворе. Жека хвастался южным загаром и новыми конструкторами «Лего», подаренными щедрой бабушкой. Кирилл рассказывал о загородном лагере, а девчонки вообще трещали как сороки, прыгали, толкались и хохотали без умолку.

Я показал мамин подарок – освежитель для рта. Небольшой такой флакончик, жаль, быстро закончился: дал попробовать сначала Саше с Кириллом, потом Кристине и Даше, а расщедрившись – всем кто попросит. В результате все пыхали друг на друга мятной свежестью и были похожи на мультяшных дракончиков.

К нам начали подходить учителя, и каждый задавал какой-нибудь глупый вопрос:

– Что вы тут делаете? Почему такие грязные?

– Идите домой, родители ждут!

– Это что, нынче такие пятиклассники пошли?! Кто у вас классный руководитель?

И так должно быть ясно, что ребята играли в футбол, за лето соскучились и ещё не наобщались, а родители, как обычно, на работе. Неужели учителя забыли за лето, что дети могут шуметь и их бывает сразу много?! В конце концов, мы всё-таки послушались совета и отправились в парк на аттракционы – ловить экстрим на «праздничные» деньги, выданные родителями.

А на следующий день мы увидели нашу родную первую учительницу. Она плавно ступала по коридору, а сзади семенил выводок маленьких первоклашек в белых рубашках и кофточках. Такие смешные мальчишки и крошечные девочки, словно подарки, украшенные ленточками.

Элеонора Сигизмундовна повернулась к своему нарядному галдящему шлейфу но, заметив нас, заулыбалась и зама-

хала рукой:

– Как дела, пятый «А»?

И тут нас всех будто прорвало: завопили, загалдели, а девочки бросились её обнимать. А мне вдруг нестерпимо захотелось, чтобы куда-нибудь увели малышей, и учительница была только наша, как раньше, в четвёртом. Но пересилил себя и закричал вместе со всеми:

– У нас всё нормально! Будем на переменах приходить в гости, не скучайте!

И первым убежал. Привыкать к новой школьной жизни в загадочном «среднем звене».

Презентация

Я, скучный и встревоженный, сидел над тетрадкой в линейку и активно морщился. Эх! Недавно ходил с гордо выпяченным пузом и радовался, что учусь не в начальной школе... И до того мне этот средний возраст нравился, что за первый месяц успел получить восемнадцать замечаний: пять устных и пятнадцать письменных.

Учиться в пятом классе вначале было совсем несложно, даже легче, чем в четвёртом – сплошное повторение. Но вот со вчерашнего дня брык – и начались обещанные трудности. По русскому языку задали приготовить презентацию на выбор: о своей малой родине, о квартире, где живёшь, или о семье.

Вот если бы по «инглишу», так для меня это – раз плю-

нуть: с третьего класса задают творческие работы. Это делается просто: берёшь образец, немножко переставишь слова, пересыплешь тонким слоем новых предложений, вставишь картинки, оформишь обложку, и – на печать. Проект готов. Но чтобы презентацию на «великом и могучем»?!

Чтобы долго не сомневаться, протыкал пальцем считалку: выпала тема о малой родине. Чего по ней написать? Решил взять помощь друга. Архип, пыхтя в трубку, сказал, что идёт на тренировку по футболу и о чём будет писать, ещё не думал. Саня Белых счастливо завис в новой «стрелялке» и отложил все дела до вечера. Ясно – ждёт помощи старшего брата.

Что же делать? Раз пять подтянулся на перекладине, попробовал сделать рондат-фляк*, но свалился – места в комнате маловато. Включил телик, попал на «Симпсонов». Весело живут, никаких презентаций! Заболеть что ли, как мама? Нет, не хочется! Не люблю кашель, сопли, а понарошку не получится, уже пробовал – родители живо раскусили и на тренировку выгнали.

Вернулся с работы папа. То есть, сначала в дверях, не торопясь, возникло велосипедное колесо, следом – огромный пакет, и только потом – знакомая бейсболка.

– Как самочувствие у мамы? – бросил он с порога и, не дожидаясь ответа, крикнул. – Жена! Я купил тебе лекарства от двух видов кашля – от сухого и мокрого! Сама решай, что тебе больше подходит! – И, заметив моё появление: – Жень,

ты маму кормил? Небось, опять одними книгами питается?

Я заверил, что приложил все усилия по рекламе и приготовлению яичницы, и попросил, опережая ритуал раздеваний-умываний:

– Пап, помоги с русским, а?!

Из-под козырька раздалось пыхтение, потом два строгих глаза прошлись по мне сверху вниз наискосок. Ни слова не говоря, папа отвязал от багажника свёрток и сунул мне в руки. Там оказалось гигантское кашпо.

– Это что?! Горшочек для баобаба?

Папа довольно усмехнулся, хозяйским взглядом окинул подоконник и, удовлетворённый, провозгласил:

– Денежное дерево будем высаживать. Для материального благополучия семьи. Как сделаешь уроки – сбегай в «Цветы» за землёй, и только затем перешёл к моей проблеме. – Сочинение задали?

– Презентацию.

– Понятия не имею, что это такое! – откровенно признался папа.

– А говорил, что в Сэсээре хорошо учили! – вырвалось у меня.

Лицо папы покраснело.

– В Сэсээре?! – взревел он, будто огнедышащий дракон, и отчеканил по слогам: Эс-эс-эс-эр – так наша Родина называлась! Понятно?! Иди – учи историю! И ушёл, хлопнув дверью, на балкон. Курить и расстраиваться. А может, наоборот,

успокаиваться – там телевизор есть, маленький.

Эх, я! Забыл, что СССР не склоняется. Мы с Машкой уже в другой стране родились – в России, а брат и мама с папой – ещё в Советском Союзе. У них другая жизнь была, не похожая на теперешнюю. Я во втором классе старые фильмы любил смотреть и всерьёз думал, что раньше вообще цвета не было, раз кино чёрно-белое. Как-то сказал об этом вслух – родители животы надорвали! А чего смешного?! Я в то время не жил.

Повертел в зубах ручку, поковырял в носу, посмотрел в окно и пошёл за помощью к маме. Она лежала на диване, укутанная по самый подбородок в одеяло, и изо всех сил старалась побыстрее выздороветь по специальному, ею изобретённому рецепту: держала перед носом книгу и выращивала в себе хорошее настроение. Голоса у мамы совершенно не было, а чтение попало смешное, поэтому с дивана то и дело раздавались странные звуки: отрывистый кашель вперемежку с сиплым бульканьем и хриплым хихиканьем.

Взглянув на мою деланно-печальную физиономию и выслушав сбивчивое объяснение о том, что нужные мысли для написания домашней работы задерживаются, мама протянула руку помощи: пошарила рукой под одеялом, извлекла оттуда взъерошенную газету и натужно прохрипела:

– Вот, вдохновись: там бывают интересные статьи о вятских достопримечательностях.

Со вздохом развернул предложенную «шпаргалку». На

первой странице довольно замысловатым языком говорилось о необходимости переименовании нашего города из привычного Кирова в исконную Вятку.

– Ма-а-а, а почему так не сделают, если другим городам уже давно прежние названия вернули?

Мама подняла голову от книги и ответила натужным шёпотом:

– Потому что вятские – особенные! Не такие как все: раз везде переименовывают, значит, наши «принципиально» так делать не будут! Когда всё успокоится, тогда и переименуют! Или оставят всё по-прежнему – одно из двух!

Листая газету дальше, я нашёл кучу доказательств уникальности нашей малой родины.

Везде мягкими и пластмассовыми игрушками пользуются, а на Вятской земле специально лепят дымковскую, глиняную, быстро-бьющуюся. В других городах для удобства туристов экспонаты в центры привозят, а у нас сказочный городок за сто пятьдесят километров строят. Чтобы добираться туда было не просто так, а сносив три пары железных сапог: сначала на поезде, потом на автобусе и, наконец, на тракторе. Желаящие взглянуть на таинственный подземный ход, тайком его откапывали – а перед приездом главы государства все водосточные колодцы, наоборот, закатывали под асфальт.

Полистав газету дальше, наткнулся на коллекцию скучных жалоб о плохих дорогах и отсутствии асфальта на тротуа-

рах. Наверное, это тоже делалось специально. Ямы нужны для чего? Чтобы разводить лужи! Все знакомые ребята на них тренируются: малыши глубину меряют, кто постарше – в длину прыгают. Почему, вы думаете, мой результат с места – два метра двадцать сантиметров? Лужевая школа! Хотя, если честно, очень хотелось, чтобы в каждом квартале были спортивные площадки. Футбольные, баскетбольные, волейбольные, теннисные – на любой вкус. Как в американских фильмах. А при школах бассейны или аквапарки! Все ребята тогда спортивные были бы!

Вот вырасту – этим и займусь: сначала на строителя выучусь, а как новый спортивный комплекс построю – на тренера, чтобы там работать.

На развороте газеты важно восседало интервью с заезжими артистами, которые всячески восторгались нашей архитектурой и тщательно сохраняемым особым вятским говором, радовались, что в Кирове проживает множество изумительно своеобразных людей, которых мало кто знает по причине их тотальной стеснительности, также являющейся чертой местного национального характера. Например, картины, оказывается, можно не только рисовать, вышивать крестиком или вырезать из дерева, но и собирать из разноцветных спичек, фигурно забитых гвоздей, засушенных растений или разноцветных тряпочек.

Я отложил газету, подошёл к окну и взглянул на знакомые просторы совершенно другими глазами. С высоты седьмого

этажа нашей древней девятиэтажки, поселившейся когда-то на самом высоком из семи холмов, родина показалась не такой уж и малой. Лохматые облака беспечно проносились по кроткому голубому небу, а под ним, растянувшись до самого горизонта многочисленными коробками новых и старых домов, щедро украшенный букетами осенних деревьев, дышал город.

Часть его была родным кварталом. Недалеко за деревьями пряталась моя школа, прямо напротив окон краснел купол Дворца пионеров, окружённый курганами-памятниками, блестела умытая дождём дорога. Из окна кухни передавал привет двор с раскидистыми тополями и одинокой «хлопалкой», бывшей попеременно то воротами, то турником; громоздкий гараж, на который любили забираться зимой и прыгать в снег, закручивая лихие сальто.

«Пожалуй, о малой родине – слишком трудная тема, напишу лучше про нашу квартиру, – подумал я. – Она тоже супер-особенная: из всех четырёх окон линия горизонта видна! И назову презентацию: «Родная квартира или офис номер двадцать три»!

Это недавно мама выписала на домашний адрес журнал для бухгалтера, а в подписном агентстве ошиблись и подписали на конверте «офис». Когда получили – посмеялись, а папа вдруг заявил:

– Раз написано – значит, так тому и быть! – и принялся за обустройство балкона.

Раньше там инструменты лежали, по тумбочкам разложенные, хранились лыжи, коньки, удочки, сварочный аппарат и точильный станок. Папа втащил на балкон столик, водрузил на него маленький телевизор с нетбуком, кресло поставил, поселил вентилятор, обогреватель, термометр с барометром, на пол постелил рыжий коврик с веснушчатой надписью «wellcome». Завершил облагораживание шикарным росчерком: повесил красивые шторы. И объявил балкон офисом. «Место для отдыха и великих дум!» – сказал.

Старшие брат и сестра посмотрели-посмотрели, дружно обзавидовались, и тут же принялись наряжать свои комнаты. Тимофей повесил на стену свежий приз за победу в соревнованиях по ракетно-модельному спорту – картину под названием «Одинокое дерево и бегущая лошадь в лучах заката». Подумал и решил соорудить подсветку. Правда, закончилось всё коротким замыканием и громкими папиными возгласами: «окаянный электрик» перепутал провода. Осторожная Маша рисковать не стала: щедро обсыпала полочку пузырьками с парфюмерией и завела огромный цветок на подоконнике. Теперь поливает его по средам и пятницам.

А для меня комнаты не хватило, живу в большой, с мамой и папой. Когда родители закончат ремонт, накопят денег и купят новую мебель, переселюсь к брату. А может, к сестре.

Думаю, лучше к Тимке: он весёлый и общительный. Друзья на каждом шагу: идёшь с ним по улице – язык от «зд-расте» устаёт. Брат дома сидеть не любит: то в колледже на

занятиях, то на станции юных техников кружок ведёт, то в ансамбле на ударных инструментах тренируется. Однажды эти железные тарелки почти месяц у нас в доме обитали. Тима их футболками обертывал и грохотал что есть силы, когда родители на работе были. Мама, вспоминая, до сих пор удивляется, как соседи выжили, и делит прошедшее время на жизнь с барабанами и без.

А ещё у Тимофея подружка есть. Всем очень нравится: красивая, добрая и не толстая. Когда вырасту, обязательно найду себе девчонку, похожую на Тимину Маринку. Хотя лучше сначала заведу собаку, а потом жену!

У девчонки надо сначала характер продегустировать, а то будешь потом всю жизнь в атаку ходить, как мы с сестрой. Постоянно ругаемся, и всё из-за того, что Машка слишком командовать любит: то ей подмети, то прибери, то вынеси. Подумаешь – старше на шесть лет! Хотя, если честно, согласен с ней в комнате жить: телевизор вместе допоздна смотреть можно, с уроками поможет. И ещё сестра симпатичная! В этом уверены все, кроме самой Машки. Зарегистрирует очередной прыщик на лице – и объявляет вселенскую катастрофу!

Описать её в презентации что ли? Хм, ещё обидится или разозлится и даст по лбу. А я этого не потерплю – опять битва будет! Лучше маму презентирую... или – презентую? Нет, дарить, конечно, никому не буду, самим нужна! Такой больше нигде не встретишь, у всех мамы как мамы, а у нас – осо-

бенная! Папа говорит, что до сих пор не может предугадать, что вытворит его жена в следующую минуту. Такая непредсказуемая! Просто у неё слишком быстро настроение меняется: то шутит и хохочет, то вдруг такое цунами устроит – мало не покажется!

Мама работает главным бухгалтером в нескольких фирмах. «Сижу на трёх стульях!» – обычно так представляется. Думаете, слишком толстая? Немножко. Зато подвижная, успевает готовить, стирать, носиться по магазинам, помогать с домашними заданиями, выслушивать наши жалобы и открытия, поддерживать и вдохновлять. И ещё обожает между делом читать – это её любимое занятие. Одной скучно, так она папу слушать приучает: начнёт страничку, да больше не выходит – он от мамы на балкон курить убегает.

Когда книжек под рукой нет, мама изучает разные инструкции, рецепты приготовления блюд... словом, всё, что на глаза попадётся. Вчера, например, рекламный каталог китайских товаров случайно встретился. Ох, и хохоту было, когда мы наперебой за ужином отгадывали, что китайцы имели в виду. Вот, например: что означает вода-летун? Не догадались? Брызгалка! А доставалка для рыбы? Не знаете? Удочка!

Вспомнил и захихикал.

– Ну что, фантазихер, написал презентацию? – прошеле-стел с дивана мамин голос.

– А? Сейчас! – опомнился я, и принялся выводить вдруг

прилетевшее в голову заглавие: «Моя любимая пятая часть комнаты с окнами на восток».

Опишу свой домашний уголок. Где вещи очень правильно разбросаны и неправильно прибраны – но зато все мои. И пусть тема будет не такая, как у других!

*рондат-фляк – акробатический прыжок

Математика

– Женя, ты сделал домашнее задание? Решил задачу? Женя, ты в курсе, что у тебя одни двойки? – голос математички то трубил, то звенел комариным пискком.

Я тщетно пытался скрыться от назойливой учительницы, сворачивая в незнакомые дворы, прячась в кронах деревьев и ныряя в воду с причудливых мостов, но неизменно нос к носу сталкивался с Зинаидой Егоровной. А как она могла оказаться на крыше двенадцатиэтажки?!

Торопливо спрыгнув оттуда и боязливо озираясь, скрылся в густых зарослях огромной травы и на мгновение успокоился. «Здесь она меня не найдёт!» – облегчённо подумал я и присел на корточки. Но зелёная растительность тут же раздвинулась, как занавес, и прямо передо мной возникло круглое слегка полноватое лицо математички. Я вздрогнул. Лицо затряслось, стало нечётким, как в бабушкиных «плюсовых» очках и приказало почему-то маминым голосом:

– Вставай! Да вставай сейчас же! – следом кто-то довольно сильно потряс за плечо, и я буквально вылетел из шикарной зелени как пробка. Надо мной нависала мама, держащая в руках раскрытый дневник.

– Ма? Так это ты? – изумился я и сразу обрадовался, ощутив, как изматывающий сон уходит, улепётывает без огляд-

ки. – А я тебя не узнал!

– Я тоже тебя не узнаю! Опять за контрольную по математике двойка! В последнее время пошли улучшения – четвёрки и даже пятёрка, я было успокоилась...

Пришлось честно признаться:

– Списал – и получил пятёрку! Хотел тебя порадовать. Отгадай, по какому предмету списывать вообще невозможно? По физкультуре! Там я – первый!

Но мама категорически не хотела быстро успокаиваться:

– Нет, эта ситуация мне совершенно не нравится! А сидеть-объяснять некогда – на работе отчёты. Выход один – придётся заниматься с репетитором!

Мама ревностно относится не только к своей профессии бухгалтера, но и к цифрам вообще: эти маленькие противные шмакодявки для неё – как родные; обожает и знает все их причуды.

– Но сегодня, вроде бы, выходной? – робко предположил я, надеясь, что мама изменит решение.

– Это не имеет никакого значения! – ответила она стеклянным голосом. – Слыханное ли дело?! Пятый класс, а два на три перемножаешь – получаешь пять! – и отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы глобального расстройств.

Да, отчёт на работе – дело жестокое. Мама устаёт и от этого часто нервничает; то и дело приходится её спасать от наплывов плохого настроения.

– Ой, ма! Это случайно вышло: просто забыл знак по часовой стрелке повернуть, написал умножение вместо плюса, а так ответ правильный! И, к тому же, Зинаида Егоровна слишком строгая и вообще меня не любит...

Но мама была упряма:

– Уже созвонилась с тётёй Каринэ, та согласилась подтянуть тебя по математике.

Я сделал круглые глаза:

– А кто такая тётя Каринэ?!

– Наша дальняя родственница; как говорится, «седьмая вода на киселе». Их «веточка» – несколько семей, переехали из Армении в Россию в девяностые годы, когда на родине было совсем плохо.

– А что такое «седьмая вода на киселе»?

– То же самое, что «по тётке Прасковье двоюродный Максим»! – пропечатала мама таким тоном, и я понял, что повалиться в постели сегодня точно не удастся.

За скоротечным завтраком и в трясущемся от старости автобусе, мама пыталась расплести запутанное кружево многочисленных родственных связей, из чего я вынес, что все люди – братья, и что если сильно постараться, то можно обнаружить свою родню в любой точке земного шара.

– Вот были бы живы твои бабушки – они бы показали наше генеалогическое дерево, сколько там веточек! – сокрушалась мама, пока мы ехали на другой конец города, и пассажиры, сидевшие рядом, незаметно вдохновлялись, кивали

головами и дружно подхватывали разговоры о родне, корнях и памяти предков.

– А армяне по-русски говорят? – прервал я мамин нескончаемый поток мыслей и всунул свой животрепещущий вопрос.

– А как же! – воскликнула она. – Сестра Каринэ – тётя Ануш даже преподаёт русский язык, не помню, в какой школе нашего района! Только фамилии учеников всё ещё путает: Симонова по привычке Симоняном называет, Петрова – Петросяном.

«Классно! – восхитился я. – Вот приду завтра в школу и скажу Женьке Губкину: «Привет, Губкян!» А он мне в ответ: – «Шишкян, здорово!»

– А как фамилия тёти Каринэ? – дёрнул я маму за рукав.

– Мкртчян!

– ???

За разговорами дорога показалась не такой длинной, и скоро мы уже стояли у квартиры родственников. Дверь открыла черноглазая тётенька с большим носом и крашенными «под блондинку» волосами. К её пышному телу, одетому в светленький домашний сарафан с двух сторон прицепились две любопытные мордашки, принадлежащие черноволосым, тоже необычно носатым мальчишкам детсадовского возраста. Ребята сначала, как по команде вылупились на нас огромными тёмно-смородиновыми глазами, в которых совершенно невозможно было различить зрачков, а потом принялись

негромко хихикать.

– Вартан! Арушан! Вас тут не хватало?! – зычно прикрикнула на мальчишек моя новоявленная тётя и расплылась в улыбке. – Пжалуйте, гости дарагие! Прахадите! Чайку, кофейку?

– Нет, нет, спасибо! – засмузилась мама и подтолкнула меня вперёд. – Это Женьчик. Оставлю его позаниматься, а сама часок пройду по магазинам, в будни совершенно ничего не успеваю.

– Канечно, канечно! – понимающе закивала хозяйка. – Погуляйте, а у меня за это время абед поспеет! А ты, Женья-джян, прахади, не стесняйся, знакомься с ребятишками!

В большой комнате, куда определила меня тётя Каринэ, кроме громко орущих и бегающих друг за другом мальчишек с диковинными именами, оказался ещё один ребёнок: в уголке, на фиолетовом горшке, имеющем форму бегемота восседал кучерявый малыш, весь перемазанный красной помадой, и с воодушевлением скovyривал со стены золотистые «породистые» обои.

– Вуй ме! Араратик, што ты делаишь? – вскричала репетиторша и принялась отдирать ребёнка от увлекательного занятия. Малыш оглушительно заревел и смог перекричать начинающих потасовку братьев.

– Вах, мама-джан! Кто дал Араратику эту штуку?! – грозно вращая глазами и потрясая вывернутой косметичкой, тётя обрушила гнев на притихших мальчишек – и тут же, не

дожидаясь ответа, схватила под мышки и потащила громко вопящее младшее чадо в ванную.

– Это не я! Это он! – завопили вдогонку Вартан и Арушан, показывая друг на друга. – У нас не получилось братику попу вытереть – он от нас спрятаться хотел! Мы его из-под стола выманить хотели, а потом бы помаду на место положили! – но обнаружив, что их не слушают, ребята замолчали и дружно уставились на тетрадку с ярким рисунком, которую я машинально сжимал в руках.

Такой гам в нашем доме бывал, пожалуй, только в дни рождения! Да ещё, пожалуй, когда брат колотил по музыкальным тарелкам, готовясь стать знаменитым ударником.

– Много детей – базар! – принялась оправдываться вернувшая с отмытым голопопиком тётя Каринэ. – Внуков из детсада высадили, а так у нас тихо, спокойно. Сережа – младший сынок, вырос, а так, бывало, хи-хи-хи, деньги фломастером рисовал и мне в кошелёк вместо настоящих подсовывал, белую кошку хной в рыжий цвет красил! Дети есть дети!

– Сергей! – позвала тётя. – Забери этих исчадий ада погулять!

В комнату шагнул ещё один «деть»: высокий широкоплечий чернобровый парень, над верхней губой которого шикарной полоской росли небольшие усики. Я машинально потрогал у себя под носом и вздохнул. Появление «мужской» растительности на моём лице означало бы категорическое уравнивание в правах с братом и навсегдашнее выключение

его всюплешпереевших восклицаний: «когда же «мелкий» вырастет?!»

Из коридора выглянул младший из лихих братьев и, хитро улыбаясь, протянул:

– Ба-а-а, а можна-а-а нам на улицу веласапет взять?

– Так и быть, – разрешила тётя Каринэ и пояснила. – В пятницу у Арушанчика юбилей был – пять лет, дед велосипед подарил, так малыш всё норовил его в постель затащить, еле уговорили рядом с кроватью поставить!

Неожиданно тётя прищурила глаза и подозрительно внимательно посмотрела на меня:

– Ну, что, Женька-джян? Готов заниматься математикой?

Я вздрогнул. Честно говоря, совсем позабыл, зачем сюда пришёл – и вопрос прозвучал, как залп или неожиданное приглашение к зубному. На этот случай в моём арсенале имелся один фирменный опробованный приёмчик: оттянуть неприятное событие, попытаться «заговорить зубы», но тут дверь вдруг распахнулась, и в комнату ввалился большой усатый сильно пыхтящий дядька, который с порога завопил тугим басом:

– Это надо же! А ещё прадавэц называется! Представляешь, жена, пошёл в магазын, там адна дэвушка апельсын торгует! Товар хорош, а лицо?! Кэмэнная стэна! Я ей говорю: улыбнись, дарагая! Я хотэл, на прадавэц посмотрэл – уже нэ хочу! Это тавар – его чувствовать, любить надо! Такой удовольствие, когда люди из твоих рук што-ныбудь покупают!

Покупатэль хорошо – тэбэ хорошо! Гаварил-гаварил, а дэ-вушка нэ понимает! Повэрнулся, к другой жэнщинэ пошёл! Яблок, канфет, банан купил, внуки в доме – радость в доме: угощать надо!

С этими словами дядька снял с головы кепку, вытер клетчатым платком вспотевшее лицо, затем лысину на голове, потом потряс комнату таким оглушительным чихом, что зазвенела посуда в шкафу, и только тогда заметил меня:

– Вуй ме! Учэник?! Сколько будет дважды два? Ха-ха-ха! – взорвался он вдруг таким добрым заразительным смехом, что я автоматически начал улыбаться, а потом засмеялся вместе с ним. И все мои опасения исчезли, улетели куда-то за поля, за моря. Тогда-то я и понял, что смех сжигает страх.

– Это дядя Вазген! – улыбнулась тётя Каринэ. – Пойдем, плэмяшычек, на кухню, я вам с Араратиком яблочки дам! И подхватив малыша на руки, она вышла из комнаты.

– Знаешь, что лежит в этом халадыльнике? – спросила родственница, после того, как я уселся на старую табуретку. – Не знаешь, и я ещё нэ знаю, что там Вазген принёс. Значит, там... икс! – радостно заключила она. – И мы его сейчас найдём: ты будешь примеры рэшать, а я – готовить абэт!

– Вот тебе неизвестные! – тётя Каринэ достала откуда-то из-за шторы и протянула мне листок с напечатанными заданиями. – Подумай, как решить.

У-у-у! Когда учителя произносят своё фирменное «подумай», в мою голову нагло врывается пустота: не лезет ни од-

на нужная мысль, хотя в другое время их хоть отчерпывай. Зато вспоминается, как африканские слоны вальяжно помахивают ушами, как упруго свистит ветер, когда несёшься на велике или ещё что-то в этом роде.

Вот и сейчас случилась та же история. Я хмуро уставился на противные цифры.

– Икс здесь какой? – спросила тётя, пристально глядя тёмными глазами. Может быть, имела в виду что-то другое, но я ответил на тот вопрос, что услышал:

– Скучный! – сглотнул слюну. – И синий.

– Синий?! – неожиданно обрадовалась тётя. – А эта тройка – зелёная, да?

– Нет, жёлтая, зелёная – четвёрка! – ошарашено произнёс я и добавил. – А пятёрка – ярко-голубая. Так мне кажется.

– И я пятёрку в детстве голубой представляла! – воскликнула математичка. – А двойка почему-то всегда серой казалась...

– Это от усталости! – уверенно заявил я. – У меня такое после тренировок бывает и зимой, когда холодно. Тогда все цифры серыми или чёрными кажутся.

– Правда-правда! – закивала головой тётя Каринэ. – У тебя замечательное воображение! В математике всё, как в жизни! Вот, например, надо упростить выражение. А на что оно похоже? – Тётя взяла в руку карандаш. – Вот смотри: два дробных игрека – похоже на то, что вы с товарищем рассорились и разбежались. А вот группа иксов-акробатов. Быва-

ет такое? А? – тётя Каринэ принялась отчётливо выписывать цифры, не уставая комментировать каждое своё движение.

Я недоумённо слушал, иногда рассеянно кивал. Странная какая-то учительница. Не кричит, когда я туплю, не встряхивает нотациями, если отчаялся найти ответ и забрался в панцирь молчания, говорит и говорит, будто девчонка...

– Что же предпринять? – карандаш репетиторши на секунду остановился. – Это уже другое правило. Перед товарищем извиниться нужно, тогда что есть у каждого – общим будет, а вот в акробатике правильная группировка необходима. Смотри-ка, получился замечательный результат – число четыре!

Я поднял глаза – неужели действительно так просто?! Но мою тихую радость заглушил трубный бас:

– Жена! Ты не видела гвоздодёр?

– Нэт! – категорично ответила тётя Каринэ.

Дверь в кухню распахнулась, и на пороге возник дядя Вазген:

– Ну, куда мог подеваться этот гвоздодёр! – воздевая волосатые руки к потолку, в сердцах пробасил он.

– Говорю же тебе – нэ ви-де-ла! – отозвалась тётя, сунула мне в руки листок и шустро принялась чистить картошку.

– Да вот же он! – вскричал дядя и вытащил откуда-то из-под стола изогнутую железяку, выкрашенную зелёной краской.

– Разве это – гвоздодёр? – всплеснула руками его жена. – Я

думала: ребята хлам какой-то с улицы притащили, выкинуть хотела. Потом вымыла на всякий случай: Араратик играть стал, на солнце в эту дырку смотреть понравилось.

– Вах, женщина! – дядя мощно затрепетал руками. – Хлам! Сколько нам нужно вагонов соли съесть, чтобы ты догадаться смогла, что этой штукой можно делать?! Видишь? – мужчина потыкал пальцем в железяку. – Это рыча-а-аг! Рычаг для вытягивания гвоздей!

– Лыся-як! – нараспев повторил маленький Араратик и вцепился зубами в яблоко.

– Захрмар! – обдал жену жгучим взглядом дядя Вазген, провёл волосатой рукой по своей лысой голове и, неожиданно захохотав, схватил Араратика на руки и подкинул вверх.

– Какой умный ребёнок, всё понимает! – приговаривал дядя Вазген, тиская повизгивающего от радости внучонка.

– Что такое «захрмар»? – спросил я, когда дядя покинул кухню.

– Армянское национальное ругательство, означает «змеиный яд»! – ответила тётя, а мне в голову закралась шальная мысль:

«Вот захочет Зинаида Егоровна поставить завтра двойку по математике, а я ей в ответ раз! – и ругнусь по-армянски! Мне – злости выход, а она не поймёт!»

Будто учуяв, что у меня в голове, тётя Каринэ сказала:

– По-армянски «здравствуйте» – «Барев дзес!» Твоей учительнице будет приятно услышать.

Так мы и сидели на кухне по-домашнему: учительница резала картошку, жарила мясо, попутно наставляя меня и маленького Араратика, а я всё увереннее гонял по листку цифры, упрощая выражения. Представить загоны с баранами, как рекомендовала родственница, у меня не получалось, зато получалось коллекционировать разноцветные палочки. Иногда, правда, приходилось прерываться, чтобы успеть записать смешно звучащие армянские слова, типа: «майрик»*, «пайрик»**. Решалось на удивление быстро и весело и, хотя в четырёх уравнениях обнаружилось потом три ошибки, на душе почему-то было спокойно и радостно.

Скоро вернулись моя мама и серьёзный Сергей со своими шумными племянниками. Они долго раздевались в коридоре и смеялись над тем, что, не сговариваясь, пришли одновременно.

Потом все уселись за стол и принялись есть картошку и мясо, жареное с ароматной приправной травой. Я и ребята то и дело умирали со смеху над шутками дяди Вазгена, а мама, восхищенная тётиной вкуснотищей, совсем по-армянски цокала, восторгаясь, и старательно выспрашивала рецепты.

Уходить из гостей совсем не хотелось. Пообещав в следующий раз приготовить настоящую «толму» – национальное блюдо армян, тётя Каринэ на прощание крепко обняла нас с мамой. Так крепко, как я видел только в кино – и сразу почувствовал, как в меня вошёл особый, родственный дух, дух большого дружного дома. И загадал занять много-мно-

го родственников, когда вырасту.

На следующий день математика была последним уроком. Столкнувшись в коридоре с Зинаидой Егоровной, как говорится, «лоб в лоб», я мигом позабыл не только выученные накануне армянское приветствие, но и даже отштудированное ругательство. Учительница выглядела грустной, усталой и... несчастной.

– Здравствуйте! Давайте, я помогу Вам отнести тетради! – выпалил я, кивая на ношу, которую она сжимала в руках.

Вместо надоевшего вопроса: «Ну, что Женя, когда будешь исправлять двойку по контрольной?», Зинаида Егоровна пробормотала торопливое: «спасибо!», протянула тетради, а затем (невиданное дело!) улыб-ну-лась!

Первый раз с начала учебного года. Вот!

*Мама, ** папа

Минутка славы

Есть у меня друг – Саня Смирнов. Давний-предавний, с самого первого ясельного дня. Он тогда мне свой горшок отдал. «Ня!» – сказал, так и познакомились. Потом в детсадовской группе не-разлей-вода были, теперь в одну школу ходим. Жаль, не одноклассники: я – «ашка», а он – «гэшка». Саня иногда спрашивает:

– Жень, с кем ты сейчас дружишь?

Я начинаю перечислять одноклассников, ребят из спортивной секции, а он терпеливо ждёт, когда его назову. А я специально тяну и на Саню поглядываю, жду, когда он заволнуется, а потом как выпалю:

– А самый-самый – ты! – И он рад-радёшенек.

Мы с Саней во многом похожи: ростом вровень, цвет волос один в один. Только у меня волосы прямые и когда отрастают – торчат в разные стороны, а у Саши – лежат завитками; он их называет «моя доблесть». Вот чудак человек! Слабаком Саню не назовешь, но из драк и разных переделок приходится его выручать.

Учимся мы одинаково – средне. Нам по одному качеству не хватает, чтобы заниматься лучше: Сашке – старательности; он всё быстро делает, но тят-ляп, а мне – скорости, зато получается аккуратнее.

И увлекаемся одним и тем же – коллекционировать обожаем. Начали ещё в первом классе с собирания пробок от пивных бутылок. Ох, и поругалась же моя мама! А потом успокоилась и сказала по секрету, что мой старший брат, когда меньше был, тоже тащил домой «всякую гадость». Тогда я быстренько переключился на сбор наклеек, тематических журналов, роботов и конструкторов Лего, а пробки выкинул, оставил только эксклюзивные экземпляры. И Саня последовал моему примеру.

Мы с Саней – «идейные»; то есть, идеи из нас так и прут. Только у меня придуманное подольше остается, а у друга – моментом проскакивает, задержаться не успевает.

Вот встретились мы недавно на большой перемене, Саня и говорит:

– Вчера по телевизору передачу смотрел, зарубежную. Получается, почти все знаменитости из многолетних или бедных семей вышли. Статистика – это не то, что какой-то там рейтинг. Наука! Я и подумал, что мы с тобой – как раз подходящие кандидатуры. У вас в семье трое детей, у нас – четверо, и богатеями нас точно не назовёшь. Вот нам и надо в люди выходить, известность завоёвывать!

– Когда займёмся? – спросил я, хрумкая яблоком.

– А чего откладывать?! Главное – идея мощнейшая! – Саня многозначительно поскрёб затылок. – Думаю, лучше в спорт податься, там быстрее всего знаменитостями станут. Медали получать будем, на пьедестале почета стоять.

Приятно!

– Это языком трепать здорово! – хмыкнул я. – Медали только лучшим из лучших дают. Уж я-то знаю, пять лет спортом занимаюсь.

– Ну, тогда есть другое предложение: паркур! Станем трейсерами, как в фильме «13-й квартал». С крыши на крышу красиво перебираться будем, кувыркаться. Здорово! Мы же с тобой по гаражам прыгаем? Ну, вот, чуть поднажмём, потренируемся!

– Понял. Только у меня тоже мысль имеется. Записывайся к нам на акробатику! Там как раз сальто делать учат, типа, как у трейсеров, только не на крыше тренируемся, а в зале. Идеальная подготовка для паркура!

– А что, это подходит! А ты, правда, каждый день сальто крутишь?

– Ага! Почти. Только сейчас к соревнованиям готовимся, учим комплексы. Я, например, «крокодила» целый месяц отрабатываю.

– Крокодила, ха-ха!

– Никакое не «ха-ха»! Меня с этого года в четвёрку взяли – верхним. Знаешь, как трудно! На Тёминой голове на одной руке стоять надо, а его, бывает, Кирилл с Егором удержать не могут!

– Обалдеть! А если свалишься?

– В порядке вещей! Не бойся. Лонжей привязывают; веревка такая специальная, страховочная.

– Здорово! Как в цирке, да? Жека, я с тобой точно ходить буду!

– Смотри, тренировки пять раз в неделю. Кроме вторника и среды. Только тебя сначала в другую группу примут, для начинающих.

– Не, так не согласен, без тебя не хочу. Давай, лучше ты меня сам учить будешь. Быстренько подготовишь, а я приду, скажу тренеру, что всё знаю. Меня в твою группу и возьмут. Идёт?

– Ладно, приходи ко мне после школы.

Тут прозвенел звонок, и мы разбежались по своим классам.

Пришёл домой и стал с нетерпением ждать. Саня появился только в пятом часу.

– Ты чего так долго? – набросился я. – Два часа жду! Говорил, сразу после уроков, после уроков, – передразнил и состроил рожу, но Саня не обиделся, а простодушно махнул рукой и принялся стаскивать ботинки:

– А! Телик смотрел. Поел ещё! – и с довольной улыбкой погладил живот.

– А ты чего без носков? – удивился я.

– Не нашёл, куда-то завалились! Или обиделись и ушли гулять по квартире, с ними такое бывает! Ха-ха! Ладно, давай не будем терять время. Что там у вас самое простое из е-е-элементов?

Вот такой Саня! За него переживаешь, а ему – хоть бы

что!

– Шпагат будем проходить. Ты толстовку сними, а то жарко будет.

– Пока шёл – замёрз, – Сашка зевнул и потянулся. – Не хочу шпагат, давай чего-нибудь другое.

– Тогда – стойка на голове. Элементарно! Смотри и повторяй!

Я встал у стенки на руки и вытянул ноги в струнку. Потом, не спеша, как учили, красиво сложился уголком и вернулся в исходное положение.

– Вот это да! Это по мне! – восхищенно воскликнул Саня. – Надо только постелить на пол что-нибудь помягче, вдруг случайно упаду.

– Наоборот, лучше делать на твёрдом, так легче. Но первый раз, так и быть, лезь на диван.

Сашка забрался на мягкое ложе, встал на четвереньки и, повернув ко мне вмиг покрасневшее лицо, прошипел:

– Давай, поднимай туловище, только осторожно, не урони.

Я схватил друга за штанину и потащил непомерно тяжёлую ногу кверху.

– А-а-а! – заорал Саня.

– Чего орешь, поднимай вторую! – пропыхтел я, отдуваясь. – Вот не думал, что ты такой слонище!

– А-а-а! Держи крепче, уронишь! – вопил Саня, болтая свободной ногой в воздухе.

– С ума сошёл, в глаз попадёшь! – кричал я, уворачиваясь

от резво болтающейся Саниной конечности. – Фингал поставишь – пощады не жди!

– Ты меня к стене прижми, а то сейчас грохнусь!

– Сам прислоняйся! И так еле держу!

Наконец обе ноги оказались вверху, но Сашино туловище предательски поползло вперед, изгибаясь дугой.

– Стой, не выгибайся, выпрямляй спину! – надрываясь, командовал я, пытаюсь хоть как-то подпереть мяукающий живот новоявленного спортсмена. – Мешок! Здоровый, как слон, а мышцы, как тряпка!

– Чего обзываешься? Вот встану на ноги, покажу, какие у меня мышцы! Да отойди ты в сторону, ничего не вижу!

Сашкина толстовка неожиданно решила отправиться в путешествие: свалилась с живота и моментально накрыла хозяину лицо. Из-под колокола одежды послышалось сдавленное хрипение:

– Падаю, вшпотел и руки уштали!

– Это у меня руки устали! – пыхтел я от натуги, изо всех сил пытаюсь удержать тяжеленного друга, – Пузо-то убери! – и стал подталкивать выступающий голый Санин живот коленом, одновременно подцепив толстовку большим пальцем ноги, чтобы Сашка мог немного подышать воздухом. Открылось лицо, красное, как помидор, и вздутое, как баскетбольный мяч.

– Куда же его уберу, если только что три тарелки супа съел! Ой, не пинай меня, а то сейчас умру!

– Не умрёшь! Втяни в себя воздух! Нам тоже на тренировках тяжело приходится!

– Ой, сейчас из себя весь воздух выпущу! Я горохового супа наелся!

– Только попробуй! Тебе вообще жрать меньше надо, вон жирный какой! Паркурщик из тебя, что балерина!

Тут Саня взвизгнул:

– Больше не могу, падаю! – и плашмя рухнул на диван.

Я чудом успел отскочить и завопил на него:

– Чуть не задавил! Шкаф!

Саня сузил глаза и мстительно прошипел:

– Сам – мебель! Чуть не задушил!

Мы сцепились и принялись мутузить друг друга, пытаюсь нанести удары посOLIDней, но на этот раз что-то не получалось – мазали оба отменно. Вскоре бросили это занятие и обессиленные, тяжело сопящие, уселись рядышком на полу.

Немного отдышавшись, Саня грустно выдохнул:

– Не пойду, Жень, в твою акробатику. Если хочешь, сам там прославляйся, а я в футбол запишусь!

– Думаешь, лучше? Ходили же в «Локомотив» в прошлом году, не понравилось.

– Так то – «Локомотив»! Он на последней строчке таблицы. В шестую ДЮШКу пойду, там тренер хороший, мне ребята со двора говорили. Нападающим хочу быть. У них рейтинги самые высокие. Чего так подозрительно смотришь? Думаешь, не возьмут? Хе, знаешь, как я хорошо играю – ле-

том в деревне научился!

Вообще-то, Саня в дворовых матчах постоянно мазал, но я вдруг поверил. Может, и вправду за лето продвинулся.

Следующие две недели Санёк при встрече только и делал, что хвастался своей футбольной секцией и изматывающе упрашивал записаться, чтобы ходить туда вместе. Последний раз столкнулись у столовки. Сашка со всей силы хлопнул по плечу и, возбуждённо моргая глазами, затарахтел:

– Сказал тренеру, что ты только раз в неделю можешь. Главное, не беспокойся, всё по плану! В среду, как ты и хотел, – поездки, матчи, а в остальные дни – подготовка к играм. А чего делать на тренировках-то, мы с тобой и так опытные! Главное: матчи, голы, результат! Тренер обещал – скоро в Слободской поедем.

Я нахмурился:

– Не получится в среду, у меня соревнования по акробатике. Попробуй угадать, где? В Новосибирске! Или нет, кажется, в Новороссийске. А, вспомнил, точно – в Нововятске!

Сашка уважительно посмотрел на меня и вздохнул. Наверное, обзавидовался. Я представил его на верхней ступеньке пьедестала с огромной, почему-то красной медалью на толстеньком животике – и отвёл глаза, чтобы не рассмеяться.

Мы договорились, что я зайду за ним полвторого, сразу же после школы.

В назначенное время я стоял у Сашкиной квартиры. На

звонки и стук никто не открывал. «Неужели без меня ушел?! Друг называется!» – я сердито запрыгал перед дверью. Потом позвонил по сотовому.

– Я тут у одного знакомого, – отозвался Сашкин приглушенный голос. – Он мне диск с игрой дать должен. Тренировка? А её, думаю, не будет. Не, меня не жди; давай, лучше на следующую пойдем. Ну, да, точно! Когда я врал?! Да ты не волнуйся, всё железно! Предупрежу тренера и скажу, что ты в воротах суперски стоишь. Пока! Цени мою дружбу!

Прошло ещё три недели. Ни в одну из сред пойти на футбол у нас не получилось. Сашка убедительно размахивал руками, объясняя, что именно сегодня все должны уйти на тренерский совет, или – что команда выехала на матч и новичкам не велели приходить. Под конец мне всё это надоело, и на ближайшей перемене я в сердцах выпалил:

– Не пойду на футбол!

– Ну и не надо! – Саня невозмутимо принялся ковырять в ухе. – Сам только два раза сходил. Не понравилось. Нападающим не ставят; говорят, можно только защитником или вратарем – и то запасным. Я вчера с парнями из класса в бокс записался, в той же ДЮСШ. Вот это класс! Всем бесплатно перчатки выдали; правда, мне пока одну – и то порванную. Отец с полочки новые купит, я попрошу. Давай вместе ходить, всего три раза в неделю. Не хочешь? Тогда ещё лучше – в баскетбол запишемся. Месяц тренировок – и будем играть, как Томас Кинг. Давай, а? – Саня соорудил просящую фи-

зиномию и смотрел на меня с такой надеждой во взгляде, что на язык так и просились слова согласия. Но я отказался.

Тут Сашкин добродушный настрой куда-то подевался. Он стал кричать, что я упускаю решающий в жизни момент, и что миг получения славы отдаляется на неопределённое будущее, а может быть навсегда. В общем, мы поссорились.

Последний урок в тот день я отсиживал со взлохмаченными чувствами. Обида, терзавшая грудь, порой перемещалась к горлу, ладони непроизвольно сжимались в кулаки. В голове молниями сверкали обзывательства, одно другого обиднее.

«Друг называется! Ни за что больше с ним водиться не буду!» В гневе я начертил на обложке тетради по математике огромными буквами «САШКА-ЛОХ», разукрасил надпись стрелами и копьями – и только тогда успокоился.

Мы целую вечность не дружили: наверное, недели две. За это время я успел поучаствовать в соревнованиях и получить медаль, грамоту и подарок – набор фломастеров. Сашка старался не попадаться мне на глаза, а если мы и встречались, то проходил мимо с равнодушным лицом, будто никогда не были знакомы.

Но однажды по дороге из школы я ещё издали увидел знакомую фигурку в серой куртке.

«Ни за что первым не подойду! – подумал. – Вот чудак, пакетом вертит – сча-а-ас сменка-то как вылетит!» Но ноги почему-то сами понесли напрямиком к бывшему другу.

Сашка стоял посреди тротуара одинокий и потерянный и,

когда я подошёл поближе, поднял грустные голубые глаза.

– Ты чего?! – вырвалось у меня.

– Жень, не обижайся на меня, ладно?! – выдохнул Саня в холодеющий воздух и принялся сосредоточенно выковыривать носком ботинка камешки из выбоины на асфальте. Помялся-помялся и попросил жалобно: – Можно сейчас к тебе пойти?

Я молчал.

– Понимаешь, Жека, – Сашка заговорил быстро и отрывисто, словно боялся, что я уйду, не дослушав. – У меня отец сейчас дома, а мне математичка замечание в дневник вкатила за то, что по столу стучал на уроке. Это я ритм учился отбивать, всего-то какую-то минутку, не больше! И ещё две двойки получил – по английскому и по «природе». Если папаня узнает – мне конец!

Подбородок мой от удивления резко съехал вниз:

– Отец вернулся? То есть, снова с вами живёт?

– Ага! – кивнул Саня. – Целую неделю! Мелкие визжат, радуются, а я не понял ещё, хорошо это или плохо. Но хоть холодильник не пустой.

И мы пошли ко мне домой. По дороге Саня показал новые карточки черепашек-ниндзя, которые купил на папины деньги, и сказал, что хочет организовать рок-группу, чтобы ездить по разным городам и выступать с концертами.

– С чего это ты вдруг?! – хмыкнул я.

– Вот чудак-человек! – в ответ удивился Саня. – Передача

по телику покоя не даёт – «Минута славы» называется. Каждый день мечтаю: вот бы туда попасть! Все ребята бы обзавидовались, да что они! Родители и учителя увидели бы – потом полгода хвалили бы и гордились! И любить бы стали: жадно и безоговорочно!

Я скептически посмотрел на Саню:

– И на каких же ты инструментах играть хочешь?

Друг не размышляя выпалил:

– Ещё спрашиваешь! Конечно, на ударных! На них легче всего, но если хочешь – можно и на гитаре!

– Ну-у-у, так это же учиться надо, в музыкалку ходить, – разочарованно протянул я, но Сашка был неумолим.

– А чё, запишемся! Без проблем! Школа искусств рядом, на улице Попова.

– Будто не знаю! Машка, сестра, в эту школу семь лет на танцы ходила. В том году окончила.

Сашка даже подпрыгнул:

– Се-емь лет?! Так долго? А может, ускоренные курсы есть – барабанные?

– Вот и узнай! – фыркнул я. – Тебе что, барабаны купили?

– Ещё не просил. Пока на столе ритм отбивать учусь, а на гитаре играть – Жеку из вашего класса уговариваю. Он, я слышал, умеет. Сейчас надо название группе придумать, чтоб звучало. Какое предложишь?

– М-м-м. «Короли улиц»! А?

– Фу-у! «Гоблины» – получше твоего!

– Ерунда! Зелёные гоблины, злые, как черти!

– Нормальное название, ни у кого такого нет!

– Ну и что, что нет. Ты мультик про капитана Врунгеля видел?

–Ну.

– Там что говорится? «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт!» Так что для удачного старта моё название как раз подходит. Давай, сделаем так: ты, если хочешь, на барабанах играй, а я – танцевать буду, сейчас как раз хип-хопом увлёкся. Хочешь, покажу, чему научился? – и показал несколько движений.

Санёк смотрел с нескрываемым восхищением, а потом попросил:

– Узнай, кто ещё у вас в классе на музыкальных инструментах играть умеет.

– А чего узнавать, и так скажу. Две девчонки на пианино учатся, и Никита с Андреем – на здоровенных трубах, в духовом оркестре.

– Не, это не то!

Тогда мы решили, что временно ни на чём играть не будем, а только сочиним стихи к песням. Ведь рэповать и без музыкального образования можно. Я попробовал немного поговорить в рифму; получалось глупо, зато смешно. Мы шлепали по лужам, не разбирая дороги и придурялись изо всех сил. Сашка развеселился и хохотал так громко, что прохожие удивленно оборачивались. С неба лениво спускались

первые снежинки; они были похожи на запоздалые одуванчики, мы ловили их на ладошки, слизывали капли и радовались неизвестно чему.

Назавтра Саня позвонил, когда я долдонил стихи Пушкина «У лукоморья дуб зелёный...»

– Слышь, Женька! Я стихи придумал: вернее, переделал, вот, слушай:

– У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том,
И днём и ночью кот учёный с пакетом ходит в гастроном...

Мы с Сашкой поржали, и сразу придумали новую игру: говорить в рифму по очереди, вроде словесного тенниса: «подал – отбил». Провисели на телефоне полчаса, у меня даже ухо устало. Потом стали договариваться, с чем лучше дебютировать.

– Главное, Жень, сейчас уверенность для выступлений вырабатывать. Вот напишем стихов – поедem в Москву рэповать. Повезёт – денег заработаем! – напутствовал он напоследок.

Стихотворение Пушкина я хорошо выучил, ещё мама вечером проверила. И на всех переменах уверенно себя чувствовал, насвистывал: «мне море по колено, мне горы по плечу». Но что случилось со мной на уроке литературы – непонятно. Вышел отвечать, поднял голову, как будто на сцене, развёл руки, как настоящий артист, и начал громко:

– У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том! – И вдруг понял, что дальше ничего не помню. В голове одиноко

крутилась Сашкина переделка: – И днем и ночью кот ученый с пакетом ходит в гастроном. . .

Поспешно убрал руки за спину и посмотрел на ребят, ища поддержки. Губы у Марины зашевелились в подсказке, но что она мямлила, невозможно было разобрать. Вовка корчил мне смешные рожи, Саша с первой парты стал спасать меня, изображая руками уши и хвост. Да я и сам помнил, что следующей строчкой был кот, только что он там в стихе делал? Непонятно. Посмотрел на учительницу. Она, не обращая ни на кого внимания, что-то писала в тетради. Не слушает – один-ноль в мою пользу! Надо было срочно выкручиваться, решил начать сначала, вдруг вспомню:

Нет, в голове одиноко бултыхался только Сашкин «гастроном». И тут меня неожиданно понесло вверх, лёгкой сладкой струйкой, словно в особый стихоплётный поток попал:

– Какой-то кот куда-то ходит и Пушкин в нас тоску наводит,

Стихи писать я не мастак, хочу я получить. . .

Хотел сказать «пятак», но Ирина Васильевна меня опередила:

– Двояк! – неожиданно произнесла она скучным голосом, не прекращая писать.

Все одноклассники так и прыснули. Странная «минута славы» получилась. Сначала резкий взлет, а потом такой грубый шмяк!

– Почему – двояк? Пятак! Двояк – рифма не подходящая! – обескуражено пробормотал я под хохот класса.

– Рифма без смысла никому не нужна! – отчеканила Ирина Васильевна и добавила гораздо печальнее:

– Двойку заслужил, Шишкин, только двойку. Чтобы самому стихи сочинять, нужно сначала у Пушкина поучиться! Садись.

И я пошёл на своё место. Во всём Саня виноват! Завтра – среда, мой выходной день. Пусть только попробует заявиться с очередной идеей!

Репетитор

Саня Смирнов заявлялся всегда неожиданно. Обычно ему вдруг приспичивало гулять, и он начинал тягуче уламывать меня составить ему компанию. Но, чтобы разбудить в такую рань?! Всерьёз раздражив домофон, он умудрился вытащить меня из постели.

– Жек, открой! Очень важное дело! – просипел он в трубку, когда я, обёрнутый в одеяло и похожий на рожок мороженого, с закрытыми глазами добрался до входной двери.

– Ну? – промычал я недовольным тоном, когда друг бочком протиснулся в квартиру.

– Вот пришёл уроки учить! – выпалил Санёк как ни в чём ни бывало и стал совать мне в руки обшарпанный полиэтиленовый пакет.

Я не выдержал такого нахальства и взорвался:

– Ты чё, совсем обалдел, да? Хорош друг, припёрся в шесть утра! Мог бы дать ещё поспать, сегодня в школу к одиннадцати. И вообще, какими пытками тебя заставили вдруг об уроках вспомнить?!

– Да всё понимаю, – стал оправдываться Саня. – Но у меня исключительный случай, – он шмыгнул носом и страстно прошептал:

– Слушай, Жек, вчера вечером думал-думал и решил:

будь моим репетитором!

От неожиданности я остолбенел. Саня хоть и учился так себе, но человеком был вполне нормальным. И вдруг спятил! Как вести себя с сумасшедшими, я не представлял.

Воспользовавшись паузой, свежебзикнутый зачастил, глотая слова:

– Тебе, Женька, хорошо – дома тихо, спокойно! А у меня все орут с утра до вечера! Дети, сам знаешь, что Ростик, что Варя, что Андрей – то пакостят, то глупостят! Мамка просит, чтобы картошку чистил да младших разнимал, а потом ворчит, что уроки ни фига не учу! Рассказывая, разгорячённый Саня возбуждённо размахивал руками. – Короче, отец пришёл вчера с родительского собрания и сказал, что если я хоть одну «тройку» по математике или по русскому в ближайшее время не принесу – он меня из дома выгонит!

Саня посмотрел на меня продолжительным серьёзным взглядом и закончил:

– Ему в школе прямо так и заявили, что без репетиторов я не вытяну. А где на них деньги-то взять? Мне только что кресло-кровать купили. Теперь месяц бич-пакеты трескать будем. Вот такая вот удручаловка! – друг нахмурился, замолчал и стал сильно походить на встревоженного воробья.

Я знал, что Сашка очень долго, буквально до прошлой пятницы, спал, согнувшись в три погибели, на верхней полке детской двухъярусной кровати. Сам не понимаю, как он там умещался.

– Я тут бутылку «колы» принёс. Знаю, ты её любишь, – добавил Сашка и вытащил из своего жуткого пакета двухлитровку газировки. – Вот!

Мне вдруг так его жалко стало: взъерошенного, в короткой, сильно «усохшей» на плечах курточке. Вмиг простил даже вчерашнюю смертельную обиду за обзывательства «лохом» и «дебиллом».

– Я же сам – балда! Какой из меня репететитр?! – от волнения я запнулся и завяз в согласных буквах. – Гены во всём виноваты: у кого-то они гениальные, а у меня – пф! Математичка даже отвечать не вызывает, чтобы время не терять. Так, разве что с доски стереть попросит.

В ответ Саня искренне рассмеялся и уважительно хлопнул меня по плечу:

– По мне, так самое то! Главное, ты – настоящий друг. Отличники вечно воображают или торопятся, как на эстафете, а мне нужно хоть самую малость уразуметь. Я, когда шёл, был уверен, что согласишься!

Мы двинулись в кухню, нажарили большую сковороду яичницы, поели, надулились газировки и, дружно икая, улеглись животами на расправленный диван.

– С чег’о начнём? – спросил я, отдуваясь.

– Дав’ай с мате’ матики! – свесив руки до полу и уставившись в только его интересующую точку, ответил Саня.

– Зад’али примеры про д’роби, – объявил я и с умным видом раскрыл учебник. – Чего тебе тут непонятно?

– Ни́чего! – громко икнул Саня и перевернулся на спину. – Представь, что я – абсолютный ноль или даже минус единица. Начиная с самого простого. Главное, чтобы доходчиво было!

Я скользнул по нему взглядом, встал, а потом, ловко подпрыгнув и умело оттолкнувшись, в два прыжка оказался на книжном шкафу. Показал свой коронный номер. Саня наблюдал ошалелыми глазами.

– Вот, смотри! – прокричал я сверху. – Что вверху, это – числитель! А теперь... с силой оттолкнувшись ногами, спрыгнул со шкафа. – Внизу – стал знаменателем!

– Круто! – восхищённо заорал Саня, моментально перестав икать. – Только что же я, по-твоему, на математике должен по шкафам лазить или, как человек-паук, по веревочке с потолка спускаться?

– Вот чудак-человек! – засмеялся я. – Сам же просил объяснить с самых азов, и чтобы понятно было.

– Ну, ладно, – миролюбиво согласился Саня. – Про числитель со знаменателем понял.

– Тогда будем решать с цифрами! Доставай тетрадь, – командовал я, и, не дожидаясь Санькиной готовности, принялся списывать пример из учебника.

Саня вытащил из своего замурзанного пакета мятую тетрадку, шумно сопя, пристроился рядом и, следя пунктирным взглядом опытного списывальщика, стал старательно сдувать решение.

– Э, ты чё! Так нечестно! – заволновался я, загораживая рукой тетрадку.

Но друг и не думал сдавать позиции:

– По СТС сейчас классный фильм показывать будут! – проронил он как бы ненароком, и этими нехитрыми словами благословил наше поведение на ближайшие два часа.

Издав боевой клич доисторических охотников за мамонтами, я схватил пульт и принялся яростно нажимать на кнопки, отыскивая нужный канал. О чём разговор! Кино специально из-за нас на другое время переносить не будут, а уроки можно и в рекламных паузах сделать.

– Как это у тебя пять шестых получилось? – спросил друг, когда на экране в третий раз начали показывать один и тот же яблочный сок.

– Решил... э-э-э... с помощью...

Названия действий с дробями вдруг вылетели из головы, а вместо этого на языке завертелись страшные слова ведьминых проклятий из фильма, так поразившие воображение.

– Решил с помощью перекрёстного опыления! – удалось выдать из себя. Ткнул пальцем в написанное:

– Здесь пишем три, туда – два. А может, и наоборот.

Я почесал за ухом, поковырял в носу и поприкусывал губу. И в самом деле, как? Разозлился и махнул рукой:

– Да ну тебя! Давай лучше кино смотреть, рекламная пауза закончилась!

Кое-как завершив с математикой, мы, не снижая темпа,

перешли к упражнению по русскому. Сунув нос в учебник, Саня пожаловался:

– К нам вчера на замену заболевшей русички какая-то странная учительница приходила: вызвала меня к доске и требует: «Скажи правило!». Ну, я ей и говорю: «правило!» Люблю приколнуться, ты же знаешь! Все ребята – ржать, а она рассердилась и ни за что ни про что «пару» вlepила. Кто виноват, что она шуток не понимает?!

– Не, у нас по русскому всё нормально, – покачал я головой. – Зато на математике соревнование было – на приз «самый глупый»! Так математичка контрошу назвала, с которой почти полкласса не справились. Вот юмористка, так юмористка, каждый день нас смешит и сама хохочет.

Тут я неожиданно вспомнил о своём почётном статусе репетитора и непреклонным учительским тоном потребовал у Сашки тетрадку.

– Посмотрим-посмотрим, какие пробелы в твоих знаниях нужно устранить в первую очередь, – важно произнёс я, входя в роль, и тут же из неё пулей вылетел. – Оба-на! Да у тебя в каждом предложении ошибки, один восклицательный знак верно рисуешь! А запятые после каждого слова зачем? На всякий случай? Ну-у-у! Это же надо додуматься написать: НЕХО ЧУ. Где ты видел такое слово, обалдуй мой прекрасный?

– Ну, ты, потише с обалдуем-то! – Сашка мигом сжал кулаки. – Счас как врежу!

– Это кто врежет, кто врежет?! – захохотился я. – Раз пришёл учиться – учись! А то, как репетитором ему будь – сразу пуси-пуси, а как что не понравилось – так драться?!

Саня гневно засверлил глазами, заскрежетал зубами, но потом всё же сдался:

– Ладно, объясняй! А то скоро в школу, фильм всё равно не досмотреть – чересчур длинный.

Всё ещё сердясь, я громко и отрывисто прокричал:

– Заучи на всю жизнь: НЕ! С глаголами! Пишется отдельно!

И Сашка это действительно запомнил. После первого урока, он на перемене подбежал ко мне и, сияя, будто звезда на южном небе, выпалил:

– Тройка по русскому! Есть! – и возбуждённо потряс вскинутыми кулаками. – НЕ с глаголами пишется раздельно! Та-та-та-там! Отчаянно виляя бёдрами, он победно прошёлся в немыслимой ламбаде мимо опешившего от изумления дежурного завуча.

– Сам к доске вызвался, сам правило сказал, потом пример на доске накарябал: «Ничего не знаю». Представляешь, допустил только одну ошибку в предложении! А?!

Саня был явно в ударе. Если бы оценки выдавали в виде какого-нибудь символа, например флага, то Саня непременно бросился бы водружать свой развевающийся «трояк» над входом в школу.

Я стоял и смотрел в его счастливые глаза и ничего не по-

нимал. Тройка? Чему тут радоваться, я этих троек сколько угодно получить могу; для меня главное – четвёрка, за хорошие оценки бороться интересней. И вдруг медленно-медленно, подобно тому, как моросящий дождь пропитывает рубашку, до меня начало доходить...

Тройка?! Отличники, получив её, огорчаются и, бывает, режут, двоечники – несказанно радуются, чувствуют себя, как на пьедестале почёта. Но не оттого, что самые лучшие, а потому что ничуть не хуже других. Всё относительно...

От сознания, что смог до такого додуматься, я со всей силы хлопнул Саню по плечу:

– Приходи завтра, ещё позанимаемся!

Сашка отдёргнул руку и соорудил зверскую рожу:

– Ну, ты – псих! Мог бы полегче. В воскресенье уроки учить?! Была охота! А вот если гулять придумаешь – зайду обязательно!

Не скоро сказка сказывается

На уроке литературы мы сейчас сказки проходим, русские народные. Пересказываем, на вопросы отвечаем. А тут – бац! Домашнее задание: самим сочинить. Любую, учительнице всё равно, так и сказала.

Ну, историю какую-нибудь придумать или наврать с три короба – это плёвое дело! А сказку... По-моему, ими только древние женщины занимались, есть же такое выражение – «бабушкины сказки». А у меня, как назло, и бабули, и дедули давно умерли.

Пожаловался на своё горе ребятам, когда мы после уроков возвращались домой. В ответ Архип буднично пожал плечами:

– Ну, и что? У меня хоть и есть одна бабушка, но далеко; в деревне живёт. Думаю, что ни одной сказки не знает. По крайней мере, ни разу от неё не слышал, когда на каникулах гостил. Телевизор смотрит – это да, и то когда только огород польёт и скотину накормит. И ещё блины печёт – она на кухне профессор! Такая вкусотища получается – только бы ел!

– И моя бабушка сказок не рассказывает, – подскочил Илья; он всегда оказывался рядом, когда можно сунуть нос в чужой разговор. – Зато столько случаев из жизни знает – море! Она в газете работает, ошибки у журналистов исправ-

ляет. Мы с ней по скайпу общаемся. Рассказывает, что в городе делается – то про ограбления, то про кражи разные.

– Так это же идея! Напиши сказочку про бандитов, заверни сюжетик! – воодушевлённо завопил толстяк Женька Губкин. – Сразу с разбегу: зачин-мочин – трах-тарарах! Я бы такое насочинял!

– Ну, и пиши на здоровье, если охота! – хмыкнул Илюха. – Ты же у нас единственный детективы на переменах читаешь.

Женька на секунду задумался, почесал нос и только потом сказал:

– Пожалуй, про звёздные войны в сто раз лучше!

Немилосердно галдя, пронеслась огромная стая птиц, на миг закрывшая полнеба.

– Воздух! – смеясь, закричал Жека. – Ложись!

Мы с хохотом бросились врассыпную и принялись носиться в догонялки, но быстро сникли. Туго набитые рюкзаки остервенело колотили по спинам, снижая скорость (бросать их в грязь не хотелось), да и прохожие между нами запутывались, я случайно даже «обляпил» одного нервного дядьку.

Подойдя к перекрёстку, Илья заторопился:

– Ладно, парни, пока! Побегу на тренировку, к решающему матчу готовимся!

– Пока! – нестройным хором прокричали ребята вслед и потихоньку принялись расходиться. На улице было промозгло и сыро, гулять никому не хотелось.

– Придумал, про что напишу! – вдруг заявил долго мол-

чавший Архип после того, как мы остались вдвоём.

– И про что же?

– Про Аршавина! Вот послушай: жили-были папа Аршавин и мама Аршавина и родился у них сынок Андрей Аршавин. Потом он стал известным футболистом и поехал на чемпионат в Сауф Африку. Нормально?

Я пожал плечами:

– Ну-у-у, так... Вполне здорово!

Мы попрощались на следующем перекрёстке. С четырёх начиналась тренировка по акробатике, а ещё надо было сделать уроки.

Дома никого не было. Не люблю в одиночестве находиться; то ли дело вечером, когда все вместе собираются, – и шумно, и весело, и с уроками подсказать могут. А когда тихо – у меня вся активность сморщивается. У сестры – наоборот: когда готовится, должна быть тишина. Её даже сопение раздражает.

Включил телевизор и, торопливо жуя бутерброд, стал дожидаться прихода нужной «сказочной» мысли. Уже пара мультиков прошла, а она всё задерживалась.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается!» По-моему, всё наоборот! Ладно, деваться некуда, начнём: «В некотором царстве, в некотором государстве живёт-бывёт ... школа». Хм, нескладно звучит, в будущем она – что, ещё «живее-бывее» будет? Что ни в сказке сказать, ни пером описать? Не то. А тут ещё в носу зачесалось – поковырял-

ся немного, потом сходил на кухню и воодушевился вторым бутербродом.

Может, про наш пятый «А» написать? А что, очень даже сказочный класс. Учительницу пусть зовут не Ирина Васильевна, а Ирина Улыбчивая. Она и на самом деле такая. Как зайдет в класс, взглянет на нас шумящих, да как улыбнётся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.